

УДК 322(470)

DOI:

ЮЛИЯ НИКОЛАЕВНА КОЖЕВНИКОВА

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,

Национальный парк «Водлозерский»

(Российская Федерация, г. Петрозаводск)

yukozhevnikova@gmail.com

185000 г. Петрозаводск, ул. Парковая д. 44

т. 814(2)-76-43-79

МОНАШЕСТВО ОЛОНЕЦКОГО И КАРГОПОЛЬСКОГО УЕЗДОВ

В ЭПОХУ «ЗАПРЕТИТЕЛЬНЫХ» УКАЗОВ*

В статье рассматривается положение монашества Олонецкого и Каргопольского уездов после провозглашения возрастных, сословных и гражданских ограничений «Прибавления к духовному Регламенту» и «запретительных» указов Петра I, подтвержденных в правление Анны Иоанновны. Оценивается влияние государственного законодательства на развитие монашеской жизни в мужских и женских монастырях края. Введенный впервые «возрастной» ценз для пострижения не противоречил местной практике, сложившейся в мужских монастырях, но имел серьезные последствия для женских обителей края. В статье вводятся новые материалы о проведении масштабных проверок состава монашествующих в 1730-е годы. На основе малоизвестных письменных источников выясняется, каким образом законодательные ограничения, предполагавшие жесткий контроль над постригами, отражались на жизни людей, желавший принять иноческий образ. Выявленные в 1730-е годы массовые нарушения «запретительных» указов ярко демонстрировали негативное отношение монашествующих к проводившимся реформам. Попытки государства улучшить внутреннюю жизнь чернецов оказались малоэффективны. Актуальность темы обусловлена усилением интереса в отечественной историографии к петровским преобразованиям, направленным на реформирование «монашеского чина».

Ключевые слова: православные монастыри, православное монашество, Олонецкий уезд, Каргопольский уезд, Петр I, Анна Иоанновна, история Русской Православной Церкви в первой половине XVIII века

Для цитирования: Кожевникова Ю. Н. Монашество Олонецкого и Каргопольского уездов в эпоху «запретительных» указов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. № 1. С. DOI:

ВВЕДЕНИЕ

В первой половине XVIII века произошли знаменательные события, сильно повлиявшие на ход истории российских монастырей и монашества. При Петре I основным законом, регулировавшим положение российских обителей и их

населенников, стало пространное «Прибавление к Духовному Регламенту», провозглашенное в 1722 году. С этого времени впервые вводились четкие возрастные, сословные и гражданские ограничения для тех, кто стремился принять монашеские обеты. Постриг разрешался лицам, свободным от долгов, брачных отношений и судебных разбирательств, только при наличии официальных увольнительных и отпускных документов. Мужчины должны были достичь 30-летнего возраста. В отношении женщин закон был более суров: стать монахинями могли девицы не ранее 50 лет, вдовы – не ранее 60 лет. Обязательным становился «трехлетний иску́с», в течение которого испытывалась твердость намерения посвятить свою жизнь служению Богу. Также монашествующие не имели права «из монастыря в монастырь переходить» без письменного разрешения своего настоятеля. Для создания новой монашеской обители требовался соответствующий указ Святейшего Синода. Запрещалось устройство пустыней-скитов и не приветствовалось существование монастырей с небольшим числом иноков (менее 30 человек)¹.

Наведение порядка в «монашеском чине» началось с проведения первой всероссийской переписи монашествующих и дальнейшего закрепления их в монастырях (одновременно в государстве осуществлялась податная реформа, в основе которой лежала подушная перепись). Наиболее известный «запретительный» указ Петра I от 28 января 1723 года требовал переписать всех монахов и «впредь отнюдь никого не постригать»². Из прагматических соображений Петр I мечтал превратить действовавшие монастыри в богадельни для «престарелых и увечных» отставных солдат воевавшей регулярной армии, предлагая заполнять ими возникавшие после смерти монахов «убылые места». Синодальный указ от 3 марта 1723 года напоминал о том, чтобы «во всех епархиях нигде в монастырях как монахов, так и монахинь отнюдь никого без указа из Синода не постригали», за исключением вдовых священников и диаконов³.

При Анне Иоановне после ее указания от 28 января 1733 года в российских монастырях стали проводиться масштабные проверки, всколыхнувшие

монашеский мир⁴. Составлялись новые списки всех монашествующих. При этом повсеместно выявлялись многочисленные нарушения законодательства в отношении постригов⁵. Святейший Синод 19 февраля 1733 года провозглашает очередной императорский указ, требовавший сообщать «без всякия лжи и утайки, не имеются ли где постриженных монахов и монахинь, кроме священного чина и солдатства, из других чинов»⁶. Именным указом от 10 июня 1734 года повторялся строгий запрет на постриги: «кроме вдовых священников, диакон и отставных солдат в монахи никого не постригать»⁷.

Усиливается борьба с «беспутно волочащимися» монахами, начатая при Петре I. Синодальный указ от 6 сентября 1732 года «об устройстве монашествующих» запрещал принимать бродяг в рясах «под страхом жестокого штрафования»⁸. Беглыми считались монахи, приходившие «без письменного отпуска» от правящего епархиального архиерея или настоятеля другой обители. Монастырское начальство обязывалось срочно сообщать о таких пришельцах в местные духовные правления и консистории. Участь «плутов чернецов» была незавидна: за «презрение указов» непременно следовало расстрижение и публичное наказание.

Российские исследователи в последние годы обращают особое внимание на последствия петровских нововведений для монастырей отдельных регионов [5], [6], [7], [8], [9], [10]. М. Ю. Нечаева на материалах Тобольской епархии приходит к выводу о том, что к резкому сокращению численности монашествующих главным образом привели различные ограничения, содержащиеся в «Прибавлении к Духовному Регламенту», и «запретительные» указы Петра I. Добиться соблюдения законодательства о постригах, по мнению исследовательницы, удалось только после проведения в 1730-е годы широкомасштабных расследований [7]. В досоветской историографии схожие мысли высказывались в начале XX века Б. В. Титлиновым, подробно изучавшем законодательные акты петровского и аннинского времени в отношении Русской Православной Церкви⁹. Данная статья продолжает

изучение монастырей и монашества Олонецкого и Каргопольского уездов в первой половине XVIII века [2: 79–109], [3: 139–153], [4].

Ограничительные требования, предъявленные к монашеству «Прибавлением к Духовному Регламенту», несомненно, повлияли на его положение в крае. Прежде всего, это касалось жесткого возрастного ценза для желающих принять иноческий образ. Он вводился Петром I впервые в истории монашества (строгие канонические правила на этот счет не существовали). В моем распоряжении есть сведения переписи 1722 года монашествующих десяти небольших местных обителей: Высокоезерской, Пятницкой Кедринской, Петропавловской Лобановой, Троицкой Лужандозерской, Троицкой Рубежской, Курженской, Девичьей Брусненской пустыней; Успенского Муромского, Рождественского Палеостровского и женского Вознесенского монастырей¹⁰. Всего в них подвизалось 112 монашествующих (из них 93 мужчины и 19 женщин)¹¹. При изучении списков выясняется, что подавляющее большинство мужчин в местных обителях произносили монашеские обеты, будучи пожилыми людьми (средний возраст 58 лет). Они нередко уходили в монастырь, когда их земная жизнь по меркам XVIII столетия подходила к концу: 43 человека после 60 лет (из них 18 – после 70 лет, 5 – после 80 лет, 1 – в 93 года). В возрасте от 40 до 60 лет постриглись 36 мужчин. Только четыре человека были пострижены до 30-летнего возраста.

Женщины, в отличие от мужчин, облачались в монашеские одежды более молодыми (средний возраст 41 год). В небольшой общине Вознесенского монастыря, стоявшего при впадении реки Свирь в Онежское озеро, в 1722 году насчитывалось 14 монахинь, из которых шесть принимали иноческие обеты в возрасте от 18 до 30 лет¹². Пять насельниц второй женской обители Олонецкого уезда, Никольского Брусненского монастыря на острове в юго-западной части Онежского озера, согласно сохранившимся спискам, произносили обеты в 21 год, 29, 38, 40 лет и 71 год¹³.

Таким образом, возрастной ценз для монашеского пострига, введившийся с 1722 года «Прибавлением к Духовному Регламенту», в целом соответствовал местной практике, сложившейся в небольших мужских обителях Олонецкого уезда. Вместе с тем, для двух женских монастырей края новое законодательство, строго определявшее возраст постригаемых девиц и вдов, имело серьезные негативные последствия.

Надо полагать, что сокрушительный удар по численности монашеских общин в мужских и женских монастырях Олонецкого и Каргопольского уездов нанесли именно «запретительные» указы Петра I, подтвержденные при Анне Иоанновне. Малолюдные обители, нередко расположенные в труднодоступных местах, без пополнения новыми постриженниками обрекались на постепенное вымирание, ведь вдовы священники и диаконы, отставные солдаты не стремились к монашеской жизни [3: 141–148], [4].

Следствия по делам о «неуказнопостриженных» монахах, проводившиеся в крае при Анне Иоанновне на основе результатов переписи монастырских насельников 1736 года, вскрыли многочисленные нарушения «запретительных» указов. По результатам проверки состава монашествующих выяснилось, что в 17 монастырях Олонецкого и Каргопольского уездов без ведома властей были пострижены 64 человека (12 женщин и 52 мужчины): в Кенской Пахомиевой пустыни – 9, Кодлозерской – 4, Хергозерской – 2, Яблонской – 2, Высокоозерской – 1, Троицкой Сунорецкой – 1, Задней Никифоровской – 1, Сяндемской – 1, Петропавловской Соломенской – 1; в Александро-Свирском монастыре – 9, Троицком Юрьегорском – 8, Рождественском Палеостровском – 7, Успенском Муромском – 5, Спасском Каргопольском – 1, женских Успенском Каргопольском – 10 и Вознесенском – 2 человека¹⁴. Как не согласиться с Б. В. Титлиновым, писавшем о российских провинциальных обителях, разбросанных по глухим уголкам страны: «Там регламентские правила существовали лишь на бумаге, а действительность текла своим путем»¹⁵. Для небольших монастырей и пустыней Олонецкого и

Каргопольского уездов «противозаконные» монашеские постриги стали вынужденным способом выживания [4].

В 1736 году в наиболее крупном и богатом Александро-Свирском монастыре подвизались девять человек, принявших иноческий образ после «запретительных» указов¹⁶. Из них двое, Иларион и Питирим, были пострижены при настоятеле архимандрите Кирилле в 1724 и 1731 годах. Шестеро постригались в том же Александро-Свирском монастыре иеромонахом Дионисием при келаре иеромонахе Ионе в 1731–1733 годах. Только один из «неуказнопостриженных» пришел из другой обители: Савватий, сын дьячка выставки Шокша Пречистенского Остреченского погоста-округа, облачился в монашескую рясу 4 марта 1731 года в Высокоезерской пустыни по благословению строителя Задней Никифоровской пустыни монаха Филарета. Как видим, практически все незаконные постриги в Александро-Свирском монастыре происходили в начале 1730-х годов. Как показывает анализ сведений, в небольших обителях с малочисленной братией первый «запретительный» указ стали нарушать еще при живом Петре I.

Возможным поводом для ревизии монашества Олонецкого и Каргопольского уездов стало следственное дело о событиях, происходивших в Александро-Свирском монастыре в 1731 году¹⁷. Одним из его главных действующих лиц был упомянутый выше келарь иеромонах Иона, при котором совершались постриги «без указа». Он обвинялся в серьезном «государственном» преступлении по доносу новгородского недельщика Ивана Шалгунова о «неотправлении службы» в Александро-Свирском монастыре в честь коронации Анны Иоанновны в 1731 году. Получив от Шалгунова соответствующий указ накануне Пятидесятницы, или дня Святой Троицы (в тот год он отмечался 8 мая по старому стилю), – престольного монастырского праздника, собиравшего множество паломников со всей округи, – келарь Иона велел списать с него копию, однако положенное богослужение в честь императрицы почему-то не провел.

Первоначально в Новгородской духовной консистории сведения Шалгунова сочли ложными, однако доносчик после наказания батогами отправился с жалобой в Санкт-Петербург к грозному новгородскому архиепископу Феофану (Прокоповичу), чье имя в то время заставляло трепетать сердце любого монаха. В феврале 1734 года «затруднительное и опасное» дело по доносу Шалгунова рассматривали уже в Святейшем Синоде¹⁸. Келаря Иону вызвали на допросы вместе с олонецким заказчиком священником Симоном Ивановым (он вовремя не объявил указ монастырским властям и приходским священникам о богослужении в «календарные дни», связанные с Анной Иоанновной) и его зятем воеводским канцеляристом Иконниковым. Тогда же, при подробном выяснении событий, происходивших в Александро-Свирском монастыре, была проведена полная ревизия дел Олонецкого духовного правления с 1731 года.

В ходе многочисленных проверок стали известны противозаконные проступки насельников Александро-Свирского монастыря. Так, ризничий монах Серафим «приличился в похищении милостинных денег, присланных от Двора Ея Величества, и келарских пожитков», а иеродиакон Аарон «в сочинении подложного себе паспорта и в произведении во иеродиакона по ложному доношению архимандрита»¹⁹. Кроме этого, некоторые монахи оказались «неправильно постриженные».

Биография келаря Ионы (мирское имя Иван Колосов) полна злоключений. Он был пострижен в монашество при Петре I до «запретительного указа», в 1716 году, архимандритом новгородского Отенского монастыря Антонием «без трехлетнего искуса». Через шесть лет «по оговору» оказался в Преображенском приказе. «После двухкратных розысков в затенке» Иону лишили монашества и священства. В 1728 году он был прощен по случаю императорской коронации Петра II, а в 1730 году определен келарем Александро-Свирского монастыря²⁰. После вторичного многолетнего расследования, проведенного по доносу недельщика Шалгунова, в 1735 году келаря Иону второй раз (!) лишили иеромонашества, а его вещи распродали с публичного торга для покрытия расходов синодального следствия. Он так и не принес покаяния, поэтому «для

надлежащего самой истины испытания» был отправлен в застенки Тайной канцелярии.

Последний раз имя келаря-расстриги Ионы мне встретилось в списках колодников, содержащихся в 1736 году при Канцелярии Святейшего Синода. Здесь он томился в заключении с другими бывшими насельниками Александровского монастыря: архимандритом Виссарионом и его двоюродным братом Константином Поповым, монахами Евстафием и Макарием²¹. Шло длительное разбирательство по поводу крупной суммы денег, обнаруженных Виссарионом в нескольких местах на территории монастыря и утаенных от остальных монахов и епархиального начальства²².

Виссарион был произведен в архимандрита из игуменов псковского Елеазарова монастыря в 1733 году. Следствие началось по доносу иеромонаха Иосифа²³. Со слов архимандрита, часть денег еще до его приезда в обитель обнаружил бывший келарь Иона в казначейских палатах, в ларце «полтрети тысячи рублей, да при них чарка серебряная и небольшой золотой крест»²⁴. О них знал казначей монах Евстафий и его предшественник монах Макарий. Позднее в той же палате была откопана «квасная медная чаша с дробными серебряными деньгами» (450 или 460 рублей), а в 1735 году там же «сыскано под полом 900 рублей с небольшим» и «под папертью Троицкой церкви найдено в глиняном кувшине еще 1000 рублей с несколькими стами, да оловянный с деньгами же»²⁵. На допросах архимандрит сознался, что вместе со своим келейником Павлом Никитиным и двоюродным братом Константином он тайно перенес «оловянный» к себе в келью. На чердаке трапезной Покровской церкви Виссарион нашел еще «ведерко с тремя мешками дробных серебряных денег», которые и «оставил в свою пользу, никому не объявивши об их находке»²⁶. Всего в разных местах за три года ему удалось отыскать 5690 рублей. Из них архимандрит припрятал для себя 554 рубля²⁷. За исключением этой суммы найденные деньги записывались казначеем в приходные книги и тратились на монастырские нужды (на покупку хлеба, соли, воска для церкви, извести и кирпичей на новую ограду), однако братия про них не знала «за

неимением между оною доброжительных монахов и славы ради от разбойных людей»²⁸. В неведении оставалось и епархиальное начальство.

Доносчик иеромонах Иосиф показал, что о «тайной казне» он узнал от местных крестьян, а те в свою очередь – от келейника Павла. В 1737 году за свой «правдивый донос» Иосиф получил вознаграждение от Синода (20 рублей). Престарелых монахов Евстафия и Макария освободили от наказания и вернули в монастырь. Брат архимандрита Константин Попов оказался сыном священника, проживавшем в обители «без указа», поэтому его отослали в Военную Коллегию «для записи в солдаты». Бывшего келаря Иону, признав виновным в сокрытии части денег, вернули в Тайную Канцелярию, «где он содержался по другим делам»²⁹. Его дальнейшая судьба мне пока неизвестна. В марте 1738 года архимандриту Виссариону объявили его приговор: «с начальства свесть и лишить иеромонашества», а затем сослать в Тихвинский монастырь «под трехлетний секретный надзор настоятеля»³⁰. В 1740 году по ходатайству архимандрита Феодосия Александро-Свирского монастыря монаху Виссариону были «отпущены его вины»³¹.

В ходе следственного дела о событиях 1731 года выявились любопытные сведения об одном из монахов, постриженных вопреки «запретительным» указам иеромонахом Дионисием при келаре Ионе, ризничем Серафиме. На допросах в Синоде тот показал, что ему исполнилось 40 лет, он «природою из церковнических детей Олонецкого уезда», «в подушный оклад не записан за своими отлучками»³². Его обвинили в похищении пожитков келаря-расстриги Ионы, оставленных у него на хранении, в краже монастырских денег и побеге из монастыря. После расстрижения Серафим неожиданно признался, что в действительности он беглый солдат Семеновского полка, из боярских людей дома Щербатовых, сам себе написал подложный паспорт. Его отослали в канцелярию Семеновского полка. История незадачливого чернеца Дионисия вполне может послужить выразительным примером многих монашеских пороков той непростой эпохи.

Вернемся к результатам проверки 1736 года. На мой взгляд, неординарной фигурой среди местных «нарушителей закона» был иеромонах Мануил, строитель Пятницкой Кедринской пустыни в Южном Прионежье. По всей видимости, этот 80-летний старец пользовался большим духовным авторитетом в селениях Мегорского, Оштинского и Важенского погостов-округов. В 1728–1732 годах он постригал в монашество пятерых человек (двух мужчин и трех женщин)³³. При этом монашеские постриги проходили не в самой Кедринской пустыни, к тому времени опустевшей. Крестьяне из села Мятусово на реке Свирь, получившие в постриге имена Гермоген и Андреян, были пострижены Мануилом в Успенской Яблонской пустыни при строителе монахе Германе 2 июля 1731 года и 19 августа 1732 года. В Девичьем Вознесенском монастыре при строительнице схимонахине Александре 9 ноября 1732 года кедринский строитель «против указу» облачал в иноческие одежды монахиню Максимииллу (родом из Важенского погоста) и 5 августа 1728 года монахиню Надежду (из Водлицкой волости Оштинского погоста). Третью монахиню по имени Феодора, вдову из Кондушской волости, иеромонах Мануил постригал 3 декабря 1730 года «в доме мужа ее крестьянина Стефана Семенова в деревне Серегино». Как сообщается в архивном документе, после пострига она вскоре покинула родные места и ушла в Успенский Каргопольский монастырь. В последнем случае Мануил нарушил еще одно правило, запрещавшее пострижение «в домах мирских людей». Определение Московского Собора 1667 года гласило: «приводите к постриганию в монастыри»³⁴.

Об иеромонахе Мануиле сохранились скудные сведения в документах Новгородской духовной консистории. В 1722 году при составлении ведомости о монашествующих Кедринской пустыни он сообщал о себе, что до принятия монашества его звали Михаилом, принадлежал «чину церковническому Олонецкого уезда»³⁵. Старец родился в середине XVII века, при царе Алексее Михайловиче. Монашеские обеты произносил в 1718 году в новгородском Юрьеве монастыре, которым в то время управлял архимандрит Аарон (Еропкин), будущий епископ Корельский. Строителем Кедринской пустыни

Мануила назначили в 1720 году. Уже тогда, кроме него, в крохотной мужской обители подвизались только двое престарелых монахов: 81-летний Иоанн (в миру Игнатий Оленин) и 90-летний Ефрем (Емилиан Москин), оба «из крестьянства Олонецкого уезда»³⁶. В 1736 году в наказание за незаконные постриги Мануила сначала отправили «под начал» к строителю иеромонаху Матфею Введенского Островского монастыря на реке Оять. Когда за ним явился архиерейский подьячий Иван Хамантов, старец оттуда бежал, по всей видимости, при помощи своих духовных детей³⁷.

По данным за 1736 год, наибольшее число «незаконных» постригов было совершено в женском Успенском Каргопольском монастыре. Согласно ведомостям, в эту практически городскую обитель на берегу реки Онега особенно часто уходили дочери каргопольских купцов (в монашеских реестрах упоминаются фамилии Белоусовых, Серебренниковых, Карениных, Хомяковых)³⁸. «Безуказные» постриги здесь совершали настоятель соседнего мужского Каргопольского Спасского монастыря архимандрит Иосиф (три пострига в декабре 1723 года), а после его смерти – местный иеромонах Ефрем (шесть постригов с 1723 по 1731 год). Игуменья Иулиания, долгие годы управлявшая женской обителью, умерла 26 августа 1727 года и таким образом избежала наказания.

По закону, за каждого «неуказнопостриженного» монаха с настоятеля монастыря, при котором происходил незаконный постриг, взимался штраф «на госпитали» в размере 10 рублей. «Если кому такого штрафа заплатить будет нечем, таковых лишив монашества и иеромонашества, сослать под начал в другие монастыри», – разъяснялось в указе³⁹. В делах Новгородской духовной консистории сохранилась одна из ведомостей о штрафных деньгах, которые следовало взыскать с провинившихся настоятелей монастырей края⁴⁰. Редкий документ содержит сведения о том, как по-разному складывались их судьбы. Выяснилось, что многие из них к моменту проверки уже умерли, а «скарбу и денег от них не осталось»: архимандрит Иосиф в Спасском Каргопольском монастыре, строители монахи Иона и Филофей в Кодлозерской пустыни,

иеромонах Иаков в Палеостровском монастыре, иеромонах Кирилл в Муромском монастыре, монах Леванид в Высокоозерской пустыни, монах Сергей в Соломенской пустыни, игуменья Иулиания в Успенском Каргопольском монастыре. В Хергозерской пустыни строитель иеромонах Иоиль задолго до проверки «ис тое пустыни бежал»⁴¹. Его преемник, монах Пахомий, тоже сумел скрыться в лесах по дороге в Великий Новгород, куда его должен был доставить архиерейский подьячий Илья Бухвостов. Управлявший Юрьегорским монастырем монах Матфей, который за восемь постригов «против указу» был оштрафован на 80 рублей, не смог оплатить его: «за которым невзысканием и за не платежем выслан он, Матфей, в Новгородский Его Архиерейства Разряд за поруками»⁴². Строитель Пахомиевой Кенской пустыни иеромонах Иосиф, лично постригавший приходивших к нему крестьян и бобылей, был сослан в новгородский Кириллов монастырь «в подначалство».

Выявленные в монастырях и пустынях «неуказнопостриженные» монахи публично подвергались в Великом Новгороде, «в консисторском собрании», процедуре расстрижения, о которой говорилось в указе от 11 марта 1735 года:

«в знак того монашеского чина лишения, монашеское с них одеяние все обрать, и на главах и брадах их власы остригши, и обявав их надлежащими, о не ношении монашеского платья и о наименовании себя монашествующими, сказками, разослать с письменными известиями на прежние жилища, кто откуда пришел в монашество»⁴³.

Кто-то из «неуказных» чернецов умирал до решения своей участи. Другие, не дожидаясь грядущего строгого наказания, тайно покидали родные обители. Так поступили оба постриженника Яблонской пустыни Гермоген и Андреян. После их бегства она опустела⁴⁴. Из расположенного в дальнем таежном «суземке» Юрьегорского монастыря скрылся монах Лаврентий, постриженный здесь в 1731 году. Возможно, он вернулся к себе домой в деревню Коскосалма Водлозерской волости⁴⁵.

Несмотря на строгий запрет скитаться, монахи продолжали почти беспрепятственно переходить из одного монастыря в другой, зачастую с поддельными документами, вплоть до секуляризационной реформы 1764 года [2: 94–96, 106–109]. Об этом ярко свидетельствует «тетрадь для записи

наказаний», которая велась в Александро-Свирском монастыре его настоятелями с 1720 по 1757 год⁴⁶.

Уместно добавить, что многие местные монастыри и до реформы «духовного чина» не изобиловали насельниками. Их братские общины насчитывали не более одного десятка человек, поэтому согласно «Прибавлению к Духовному регламенту» такие обители лишались самостоятельного статуса и приписывались к более крупным монастырям (Александро-Свирскому, Климецкому, Муромскому). К концу 1730-х годов монашеская жизнь в них фактически прекращалась, и они превращались в «подсобные хозяйства», где трудились крестьяне, присылавшиеся из монастыря-патрона [3: 148].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Руководствуясь здравым смыслом и рациональной философией своего века, Петр I стремился по-своему улучшить состояние российского монашества. Однако новые правовые нормы, прежде всего, его «запретительные» указы, подтвержденные при Анне Иоанновне, обернулись подлинной драмой для небольших монастырей Олонецкого и Каргопольского уездов и их немногочисленных насельников. Массовые нарушения законодательства, выявленные в 1730-е годы, свидетельствовали о неприятии монастырской реформы в обителях края. Насильственное реформирование «монашеского чина» Петром I и ужесточение контроля за соблюдением закона при Анне Иоанновне значительно сократили численность монашеских общин, однако не изменили к лучшему их внутреннюю жизнь.

*Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Пётр Великий и его эпоха в исторической памяти народов Карелии» по гранту РФФИ «Петровская эпоха» на 2020-2022 гг., проект № 20-09-42034.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 года (Далее – ПСЗ I). СПб., 1830. Т. 6. № 4022.

² ПСЗ I. СПб., 1830. Т. 7. № 4151.

³ Там же. № 4672.

⁴ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб., Т. 8. № 2689.

- ⁵ Титлинов Б. В. Правительство императрицы Анны Иоанновны в его отношениях к делам православной церкви. Вильна, 1905. С. 282–288.
- ⁶ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб., 1898. Т. 8. № 2689.
- ⁷ ПСЗ I. СПб., 1830. Т. 9. № 6585.
- ⁸ ПСЗ I. СПб., 1830. Т. 8. № 6177.
- ⁹ Титлинов Б. В. Указ. соч. С. 272–370.
- ¹⁰ Проведенная в 1722 году перепись монашествующих Олонецкого уезда и ее результаты будут подробно рассмотрены в следующей статье.
- ¹¹ ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Св. 5. Д. 80.
- ¹² Там же. Л. 9–16 об.
- ¹³ Там же. Л. 16–18 об.
- ¹⁴ ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Св. 29. Д. 358.
- ¹⁵ Титлинов Б. В. Указ. соч. С. 274.
- ¹⁶ ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Св. 29. Д. 358. Л. 15–16 об.
- ¹⁷ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1910. Т. 14. Стб. 70–79.
- ¹⁸ Там же. Стб. 72–73.
- ¹⁹ Там же. Стб. 74.
- ²⁰ Там же. Стб. 77.
- ²¹ Там же. Стб. 797–798.
- ²² Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. 1906. Т. 16. Стб. 354–364.
- ²³ Там же. Стб. 354.
- ²⁴ Там же. Стб. 355.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же. Стб. 356.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же. Стб. 356.
- ²⁹ Там же. Стб. 362.
- ³⁰ Там же. Стб. 363.
- ³¹ Там же. Стб. 364.
- ³² Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. 1907. Т. 15. 423–424.
- ³³ ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Св. 29. Д. 358. Л. 14 об., 20–20 об.
- ³⁴ Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1853. Т. 5. С. 489.
- ³⁵ ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Св. 5. Д. 80. Л. 7.
- ³⁶ Там же. Л. 7–8.
- ³⁷ ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Св. 29. Д. 358. Л. 25 об.
- ³⁸ Там же. Л. 13 об. – 14 об.
- ³⁹ Титлинов Б. В. Указ. соч. С. 285.
- ⁴⁰ ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Св. 29. Д. 358. Л. 24–26 об.
- ⁴¹ Там же. Л. 24 об.
- ⁴² Там же. Л. 17 об. – 18 об.
- ⁴³ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб., 1905. Т. 9. № 2865.
- ⁴⁴ ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Св. 29. Д. 358. Л. 20.
- ⁴⁵ Там же. Л. 19.
- ⁴⁶ Архив СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Картон 10. Д. 68.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волков М. С. Православные монастыри Тамбовского края в XVIII веке // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 23. № 173. С. 181–188. DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-173-181-188.
2. Кожевникова Ю. Н. Пять веков истории. Благовещенская Яшезерская пустынь. Петрозаводск: Verso, 2014. 343 с.
3. Кожевникова Ю. Н. Николаевская Андрусова пустынь. XVI–XX в. Петрозаводск: Verso, 2017. 400 с.
4. Кожевникова Ю. Н. «Монастырское» законодательство Петра I и монашество Олонецкого уезда в первой половине XVIII века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Петрозаводск, 2019. № 2. С. 81–84. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.294
5. Кустова Е. В. Вятский Успенский Трифонов монастырь в призме церковных реформ Петра I // Вестник Вятского государственного университета. История и юридические науки. 2012. № 4. С. 6–12.
6. Кустова Е. В. Ведомости монашествующих 1724 года как исторический источник: информационный потенциал и степень достоверности // Вестник Пермского университета. История. 2015. Вып. 4. С. 48–55.
7. Нечаева М. Ю. «Монашества лишить... и разослать... на прежние жилища» // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2016. Вып. 3. С. 35–54.
8. Нечаева М. Ю. Закрытие малобратственных монастырей в 20-е годы XVIII века: замысел и реалии реформы // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. 2018. № 3. С. 72–84. DOI: 10.15593/perm.kipf/2018.3.07
9. Никонов С. А. Хозяйственные книги Троицкого Печенгского монастыря первой половины 1720-х гг. // Вестник церковной истории. 2020. № 1/2. С. 38–73.
10. Сулова Е. Д. Вознесенский Свирский женский общежительный монастырь: повседневная жизнь общины в первой трети XVIII века // Исторический журнал: научные исследования. 2015. № 5 (29). С. 582–594. DOI: 10.7256/2222-1972.2015.5.17277

Yulia N. Kozhevnikova, PhD in History, National park “Vodlozersky” (Petrozavodsk, Russian Federation)

MONASTICISM OF OLONETS AND KARGOPOL COUNTIES IN THE ERA OF “PROHIBITIVE” DECREES

The article examines the situation of monastic life in Olonets and Kargopol counties after the proclamation of age, class and civil restrictions “Additions to the Spiritual Regulations” and “prohibitive” decrees of Peter the Great I, confirmed in the reign of Anna Ioannovna. The influence of state legislation on the development of monastic life in monasteries of the region is evaluated. The “age” qualification for tonsure introduced for the first time did not contradict the local practice established in male monasteries, but it had serious consequences for women's monasteries in the region. The article introduces new materials on conducting large-scale inspections of the composition of monastics in the 1730s. On the basis of little-known written sources, it is found out how the legislative restrictions, which assumed strict control over the tonsure, affected the fate of specific people who sought to adopt a monastic image. The mass violations of the “prohibitive” decrees revealed in the 1730s clearly demonstrated the negative attitude of the monks to the ongoing reforms. The state's attempts to improve the internal life of the monks were ineffective. The relevance of the topic is due to the growing interest in Russian historiography in the Peter's transformations aimed at reforming the “monastic order”.

Key words: the Orthodox monasteries, the Orthodox monasticism, Olonets County (Uyezd), Kargopol County (Uezd), Peter the Great, Anna Ioannovna, history of Russian Church in the first half of the XVIII century

*The article was written as part of the project “Peter the Great and his epoch in the historical memory of the peoples of Karelia” under the Russian Foundation for Basic Research grant “Peter the Great’s epoch in the history of Russia: a modern scholarly view” for 2020–2022, project No 20-09-42034.

Cite this article as: Kozhevnikova Yu. N. Monasticism of Olonets and Kargopol counties in the era of “prohibitive” decrees. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021. No 1. P. DOI:

REFERENCES

1. Volkov M.S. Orthodox monasteries of Tambov Region in the 18th century. *Tambov University Review. Series: Humanities*. 2018. Vol. 23. No. 173. P. 181–188. DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-173-181-188. (In Russ.)
2. Kozhevnikova Yu. N. Five centuries of history. Annunciation Yashezersky Hermitage. Petrozavodsk, Verso Publ., 2014. 343 p. (In Russ.)
3. Kozhevnikova Yu. N. Saint Nicholas Andrusov Hermitage. XVI–XX centuries. Petrozavodsk, Verso Publ., 2017. 400 p. (In Russ.)
4. Kozhevnikova Yu. N. “Monastery” laws of Peter the Great and monasticism in Olonets county in the first half of the XVIII century. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 2. P. 81–84. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.294 (In Russ.)
5. Kustova Ye. V. Vyatka Assumption Trifon’s Monastery in the prism of the Church reforms of Peter I. *Herald of Vyatka State University*. 2012. No 4. P. 6–12. (In Russ.)
6. Kustova Ye. V. Lists of monastics in 1724 as a historical source: information potential and degree of reliability. *Perm University Herald. History*. 2015. No 4. P. 48–55.
7. Nechaeva M. Yu. “Deprive of Monasticism and... Send... to the Places of Previous Dwellings”. *St. Tikhon’s University Review. Series II. History. Russian Church History*. 2016. No 3. P. 35–54. (In Russ.)
8. Nechaeva M. Yu. Closure of monasteries with small number of monks in 1720s: The idea and the reality of the reform. *Bulletin of PNRPU. Culture. History. Philosophy. Law*. 2018. No. 3. P. 72–84. DOI: 10.15593/perm.kipf/2018.3.07 (In Russ.)
9. Nikonov S. A. Economic books of Trinity Pechenga monastery in the first half of 1720s. *Vestnik tserkovnoy istorii*. 2020. No. 1/2. P. 38–73.
10. Suslova Y. D. Ascention Svir Convent: Community Daily Life in the first third of the XVIIIth century. *Historical Journal: Scientific Research*. 2015. No 5 (29). P. 582–594. DOI: 10.7256/2222-1972.2015.5.17277 (In Russ.)